

Татьяна АНАНЬЕВА

(Киев, Украина)

**Производство знаний
о киевских древностях
в начале XIX в.:
протагонисты и статисты
(по эпистолярным и мемуарным
источникам)**

Всход наук не в нашей власти.

Мы их зёрна только сеем.

А.К. Толстой

Из зерна, при известных условиях,
происходит растение.

М.А. Максимович

Ироническая сентенция из «Послания к М.Н. Лонгинову о дарвинизме» А.К. Толстого и фраза из ботанического труда М.А. Максимовича (в бытность его ученым-естественником) образуют цитатный диалог и, как положено эпитафю, «перекличку» со статьей, подводя к предмету ее рассмотрения. Причем, ключевые слова находятся именно в ботаническом трюизме будущего первого ректора Киевского университета (в Киеве изменившего ботанике ради словесности и истории). Фраза Максимовича, вне породившего ее «узкого» контекста, напоминает, что для всхода любых зёрен – будь то реальных или метафорических – нужны «известные» (то есть – определенные) условия. Истина бесспорная и, как многие непререкаемые истины, мало принимавшаяся в расчет историками: как раз *условия* всхода научных «зёрен» редко становились предметом изучения. Исследователи сосредотачивались на результатах-открытиях, подходя к ним с презентистскими критериями оценки¹. «Биография» знаний представляла последовательной цепочкой открытий с заранее известным венчающим их звеном и отбирала те факты, которым можно и нужно было придать значение *научных*.

¹ *Презентизм* (англ. present – настоящее) – способ исследования и понимания историко-научного явления с точки зрения современного состояния науки.

Такой подход преобладал и в историографии киевоведения, особенно в той ее редуцированной части, которая посвящена началу XIX в. – времени, когда, как из рога изобилия, посыпались открытия киевских древностей²: Десятинной церкви, Золотых ворот, Ирининской церкви, появлялись новые и новые места раскопок, отчеты о них. Впоследствии лишь некоторые авторы (в основном из числа ранних историков Киева) признавались, что эта «золотая пора» киевских древностей пришла неожиданно. Н. Закревский в предисловии ко второму изданию своего «Описания города Киева» (1868 г.) вспоминал, что даже в 1848 г., уже отдавая в издательство первую редакцию своего труда, вполне разделял существовавшее «в начале настоящего столетия <...> общее мнение, что в Киеве нет почти никаких древностей» [22, с.П].

Но со 2-й половины XIX в. изменившееся под влиянием позитивизма историографическое сознание, непоколебимо верившее в силу научного познания, искало и находило следы научно-исторического интереса к киевским памятникам там, где еще недавно их не чаяли обнаружить. Некоторые результаты подытожил в своей книге о Киеве автор «Опыта русской историографии» В.С. Иконников.

Он писал, что «необходимость более близкого изучения и разыскания древностей» возникла в начале XVIII в., но «*впервые*³ интерес к киевским древностям в более широком смысле возбужден был в царствование Екатерины II», а в начале XIX в. этот интерес «все более возрастал», затем проявилось «более живое отношение к киевским древностям», которое «совпало» с деятельностью

---

² Понятие «древности» в конце XVIII – начале XIX в. имело много значений (см. [41, с.255-256]). Интересующее нас – «памятники, сохранившиеся от далекого прошлого» – уточняет контекст высказываний, связанных с Киевом рассматриваемого периода. 1) Из письма протоиерея И. Леванды (от 16 июня 1804 г.): «У нас недавно был отменный гость, пресв. митрополит Платон. Он <...> входил во все древности Киева». (Цит. по: [2, л.38]). 2) Из воспоминаний Н. Ге: «Благодаря одному из товарищей, Анненкову, отец которого занимался раскопками древних остатков и строил Десятинную церковь на месте древней, мы ходили на эти работы. Я в первый раз узнал, что была древность» [20]. 3) Из дневника К.А. Лохвицкого, о котором подробнее см. дальше: «Вы удостоили начать оживать древности...», «... и привез к нему корзину древностей», и т.д.

³ Здесь и далее курсив наш, в квадратных скобках поданы раскрытия сокращений и уточнения.

знаменитого мецената и любителя старины графа Н.П. Румянцева; граф при посещении Киева в 1821 г. сетовал на нерадение к отечественным древностям, но его переписка с киевским историком М.Ф. Берлинским и переезд в 1822 г. в Киев митрополита Евгения (Болховитинова) «свидетельствуют уже, что изучение последних [древностей.— Т.А.] приобретает *систематический, вполне научный характер*». А «с первых лет царствования Николая I» изыскание древностей велось «путем научных исследований и археологических приемов». «Во всех этих разысканиях митрополит Евгений принимал самое близкое и живое участие», «дал определенное направление исследованию и изучению киевских древностей» и «много содействовал образованию местного кружка археологов» [25, с.593-597].

Схема довольно аморфная и только последняя констатация, кажется, не вызывала у самого автора сомнений. Примерно эта же схема, с теми же акцентами на известных именах просматривается в большинстве работ последующих немногочисленных исследователей истории изучения Киева⁴.

Лишь с недавнего времени история отечественной науки занялась не только оценкой *результатов* развития нового знания, но и самим процессом его получения, заинтересовалась взаимодействием «между движением идей и их отнюдь не абстрактной «средой обитания», пришла к необходимости изучения «прописки знания», местного контекста его производства, его локальности, особенно, когда речь идет об этапе зарождения и становления научных изысканий⁵, первые всходы которых могут появиться и на внеучном поле. Новый подход в сочетании с потенциалом расширенной источниковой базы открывает возможности для формирования более достоверной и реальной картины изучения киевских древностей в начале XIX в. В рамках этой статьи попытаемся наметить контуры одного из ключевых условий производства знаний — «кадрового». Как отправной точкой воспользуемся приведенным выше упоминанием «местного кружка археологов», поскольку В.С. Иконников не единственный автор, говоривший о нем.

«В 1832 г. в Киеве образовалось общество археологов для отыскания памятников старины. Организатором и душой этого общества был м. Евгений, группировавший около себя местных архео-

---

⁴ Из числа последних публикаций см.: [49, с.3-30].

⁵ См. наприм.: [13; 58, с.73 и др.; 47; 55; и др.]

логов», – утверждал С. Карпов в диссертационном сочинении, написанном в стенах Киевской Духовной академии и посвященном главным образом церковно-административной деятельности митрополита Евгения [28]. В.И. Щербина говорил о «перших київських істориках ... та їхніх співробітниках, що багато працювали над вивченням місцевої старовини, вже у 20-х роках склали з себе таке, хоча не зформоване, товариство» [57, с.10]. И. Житецкий отмечал, что по приезду в Киев М. Максимович «обертася серед інтелігентного та вченого гурту киян, де поміж іншим був великий знавець історичних джерел митрополит Євгеній» [21]. Н. Семейкин, скрупулезно изучавший биографию историка Киева М.Ф. Берлинского, видел «небольшой кружок лиц, какими были Максим Федорович [Берлинский.– Т.А.], Лохвицкий, Анненков и др.» под руководством митрополита [2], и т.д.

Но никто из авторов, говоря о кружке, не ссылался на источники. Никто не называл имен тех «співробітників» и «аматорів, що займаються розкопками решток старовини» [57, с.12], кроме собственно известных деятелей – митрополита Евгения, М.Ф. Берлинского (учителя гимназии, историка), К.А. Лохвицкого (археолога-любителя, отставного чиновника 5-го класса), А.С. Анненкова (отставного гвардии поручика, «возобновителя» Десятинной церкви).

Примечательно, что киевский кружок «замечали» те авторы, которые писали о городе и сами находились в нем. А исследователи, рассматривавшие Киев в общероссийском контексте, как правило, говорили о причастности митрополита Евгения к Румянцевскому кружку и отчасти вписывали киевские события в рамки его деятельности⁶. Существовал ли киевский кружок реально или это эфемерное явление, сконструированное историографией, чтобы большой размах археологи-

---

⁶ Оставляя за рамками данной статьи мнения по этому вопросу, а также о более раннем участии будущего митрополита в Воронежском литературном и в Новиковском кружках, ограничимся резонным замечанием В.П. Козлова, что, «хотя историографическая традиция неизменно называет его [Евгения.– Т.А.] в числе самых активных сотрудников Румянцева», у митрополита, «который даже на фоне блиставших дарованиями сотрудников Румянцева выделялся незаурядными способностями», сложились «особые отношения с кружком» и он «остался в стороне от основных предприятий» [30, с.34].

ческих раскопок «оптически» уравнивать с количеством и значимостью совершивших их деятелей?

Даже такие неформальные объединения начала XIX в., как известные кружки Н.П. Румянцева, А.И. Мусина-Пушкина, Н.М. Карамзина⁷, не получили четких дефиниций.

В книге, в которой «кружок А.И. Мусина-Пушкина» вынесен в заголовок, при попытках дать определение, автор признает, что «это понятие в значительной мере условно» и подразумевает «неофициальное объединение лиц одного сословного круга, близких общественно-политических убеждений и интересов», но сразу оговаривается, что, «разумеется, не следует преувеличивать ни организационного, ни идейного единства»[31, с.5]. На самом деле в книге речь идет о салоне, окружении, комиссиях Мусина-Пушкина – объединенных в понятие «кружок» силой и инерцией историографической традиции.

Более последовательную характеристику кружков начала XIX в. предложила В.М. Бокова [17]; она говорит о кружках как объединениях произвольных по организационным формам, стабильных по составу, основанных на *личных* – дружеских, родственных, служебных связях, и обязательно на *близости интересов*, тяготеющих к совместному проведению досуга и *непрерывному общению* [17, с.45]. Соглашаясь с таким определением кружков⁸, посмотрим, удастся ли найти их черты у упомянутых киевских изыскателей древностей.

Личные связи и отношения киевских археологов начала XIX в. не попадали в поле зрения исследователей – отчасти из-за распространенного мнения о недостаточности материалов-источников⁹. Есть немалая

---

⁷ См. библиогр. в : [31; 32].

⁸ Не принимается только мнение, что кружки предполагали возрастную близость участников [17, с.49]. Автор и сама опровергает эту мысль, говоря о воронежском литературном «кружке» Е. Болховитинова (будущего митрополита Киевского Евгения), где у участников была большая разница в возрасте (см.: [12]).

⁹ В 1896 г., в статье о Берлинском Щербина признавал: «К сожалению мы не располагаем материалами для характеристики его [Берлинского.-Т.А.] отношений к <...> митрополиту Евгению, но судя по некоторым намекам, можно думать, что они были далеко не так близки» [56, с.406]. Напомним, что спустя 30 лет, «згадуючи заснування Українського історичного товариства», в поисках его «досить довгої й складної історії», Щербина и своих героев объединил в «товариство».

доля истины в оценке киевского начала XIX в. как «глухого, темного промежутка между эпохою летописей и эпохою газет», «слегка и прерывисто освещаемого для нас случайными известиями мемуаристов и киевских почитателей» [55]. Но масштаб источниковедческого пессимизма, наблюдавшийся *post et non propter* этой констатации профессора Киевской духовной Академии Ф.А. Терновского, несоразмерен реальному положению дел.

Методы архивной эвристики¹⁰ позволяют существенно усилить источниковую базу темы. Видовая структура массива источников по исследованиям киевских древностей в начале XIX в. включает: законодательные и делопроизводственные документы (материалы управленческого происхождения, организационно-распорядительная документация, в том числе документы обзорного, уведомительного, директивного характера); труды и сочинения; а также значительно расширенный корпус источников личного происхождения (переписка, дневники, мемуары, записки путешественников, автобиографии), которые имеют особое значение для данной темы. Это объясняется тем, что в первой трети XIX в. изучение отечественных древностей находилось на начальной стадии институализации и, следовательно, не имело специальной организационной структуры с собственными обязательными нормами документирования. А те ведомства (церковное, военные, гражданские), в которых киевские изыскатели древностей несли службу (или служение), естественно, не вмняли изучение древностей в служебные обязанности. Поэтому как никогда велика была роль личной инициативы, индивидуальных качеств, межличностного общения и взаимодействия. Решение вопросов, связанных с изысканиями древностей, зачастую переводилось из служебной сферы жизни в частную, где были свои нормы деятельности и поведения – нормы светского общества. В этих условиях «творчески или социально активная личность функционирует в обществе как некоторая микросистема, создающая и в ряде случаев накапливающая документную информацию такого рода, которая вне личностных и межличностных отношений не возникает: дневники, мемуары, эпистолярии» [11, с.72]. Эти социокультурные особенности изучаемого периода выдвигают в качестве основных для нашей темы именно источники личного происхождения.

---

¹⁰ То есть выявление источников по изучаемой теме, включающее использование объективно существующих связей между документами («знание законов делопроизводства») и существующие средства поиска. См. об этом: [11, с.211].

Наряду с видовой структурой для работы с этими источниками необходима их логическая группировка с учетом методологической установки, которая рассматривает взаимосвязь источника с той исторической реальностью, в процессе функционирования которой он был создан, что дает возможность репродуктивного истолкования источников (когда искомым является тот смысл, который вкладывал в текст документа автор).

Восприятие деятельности «другого» (которое фиксируют источники личного происхождения) – сложный социо-психологический и культурный процесс. *Его результаты зачастую подаются исследователями как прямое следствие действий исполнителя.* Такой упрощенный подход искажает смысл и содержание текстов. Поэтому в источниковедческом аспекте следует говорить о двух видах источников, фиксирующих восприятие деятельности человека: о самоописаниях (толкования собственных целей и задач) и иноописаниях (зафиксировавших восприятие деятельности современниками).

Рассмотрение источников личного происхождения необходимо проводить не в отрыве от остального источникового массива, а комплексно, с перспективой выстраивания «полилога» всех источников, позволяющего сочетать понимание отдельного текста с другими текстами и с внетекстовой реальностью. Особая роль в налаживании механизма своеобразного «взаимодействия» между документами принадлежит эпистолярным источникам, которые были единственным средством коммуникации людей той эпохи и «вобрали в себя повседневную событийность жизни» не только «элиты высшего сословия» [35, с.99], но и всей культурной среды.

Рамки статьи не позволяют детально остановиться на особенностях источников и специфике работы с ними. Ограничимся небольшим комментарием к некоторым. В первую очередь – часто используемой в исследованиях так называемой научной переписке митрополита Евгения, которая широко используется в литературе (как источник для цитат, на основе которых делаются обобщения и выводы).

Изучение *эпистолярных отношений* митрополита показало, что переписка выступала эквивалентом личных связей, ограниченных для Евгения как иерарха Церкви¹¹. Поэтому одной из наиболее

---

¹¹ См. об этом: [33, с.79].

частотных авторских коммуникативных интенций было межличностное общение. Важное место в иерархии речевых интенций также занимал обмен информацией. Поскольку первая интенция (личные связи) присутствует в письмах «между строк» в скрытой форме, а вторая (обмен информацией) легко прочитывается, многие эпистолярные блоки были восприняты исследователями как тематически устойчивая, «научная» переписка, отражающая научные интересы и взгляды митрополита. На самом же деле сложность социальных отношений, связывавших митрополита с его корреспондентами, требует предварительного детального изучения экстралингвистических факторов для каждого эпистолярного эпизода. При этом нужно учитывать, что переписка Евгения – образец тонкого соблюдения правил корреспонденции (со всеми их изменениями в Николаевскую эпоху по сравнению с Александровской), предписанных социальным статусом. Вместе с тем, митрополит искусно сочетал этикетные компоненты с конвенциональной ролью корреспондентов, развитое личностное начало с эмоциональной уравновешенностью, меньшее разнообразие эпистолярных практик с отсутствием стандартизованности, стереотипных форм.

Сказанное вносит коррективы в оценку ряда эпистолярных блоков как переписки «научной» (например, с П.И. Кеппеном), «дружеской» (например, с Н.П. Румянцевым)¹² и т.д. А рассмотрение писем нарративного жанра, к которому относится значительная часть служебных писем митрополита, в едином корпусе источников личного происхождения является обоснованным и продуктивным.

В качестве наглядного примера упомянем об известной по публикациям А.М. Лазаревского переписке митрополита с И.Р. Мартосом [34, с.48-71]. После статьи Лазаревского эти интереснейшие письма¹³ оказались забыты. Между тем они представляют большой интерес для изучения отношений в среде киевских «интеллектуалов» начала XIX в. Особую ценность этим эпистолярным материалам придает то, что они были прокомментированы близким знакомым Мартоса В.Я. Ломиковским. Изучение переписки в комплексе со всеми сохранившимися личными документами Мартоса-Ломиковского позволило значительно углубить понима-

---

¹² См. Наприм.: [40; 43].

¹³ Оригиналы хранятся: НБУВ ИР. Ф.І, ед.62665.

ние подтекста эпистолярных отношений, мотивации поступков, истоки репутаций [15].

В результате выявления и изучения источников личного происхождения по нашей теме ее источниковая база значительно расширена. Кроме «возвращения» в исследовательское поле некогда опубликованных, но полузабытых материалов, есть и нововыявленные. Примечательно, что самые большие и ценные «поступления» приходится на одного из главных героев интересующих нас событий – Кондрата Андреевича Лохвицкого (1770–1849)¹⁴. Какими бы ни были расхождения в оценках его деятельности [27; 52; 50], сам факт его (говоря современным языком) авторства в масштабных и результативных раскопках, открывших в течение двух лет Золотые ворота, Ирининскую и так называемую Ильинскую церковь, не оставляет сомнений. Лохвицкий оставил большой личный архив, завещанный им Киевской духовной Академии, который, хотя и не в полном виде, но сохранился¹⁵. Большую его часть составляют документы личного происхождения – переписка, дневник (ценнейший источник, приоткрывающий не одну завесу над отношениями, связывавшими и\или разъединявшими интересующих нас персон), «автобиографии». Именно дневнику Лохвицкого, по нашему мнению, принадлежит ключевая роль своеобразного магнитного стержня для всего источникового поля темы.

У Лохвицкого был большой опыт ведения дневников (самый ранний известный фрагмент датируется 1801-м годом). Они различались по своему характеру, содержанию и функциям – от интимного дневника увлеченного мистика до журнала регистрации корреспонденции, и зачастую не сменяли друг друга, а велись синхронно. К интересующим нас событиям относится дневник конца 1831 – начала 1834 гг. В его первой части, озаглавленной «Журнал. Не готовясь. Из (...)»[4], начатой 19-го декабря 1831 г., за три месяца сделаны всего девять записей, несколько

---

¹⁴ См. о нем: [45; 44; 51; 29; 14].

¹⁵ Исследователями архив Лохвицкого использовался лишь частично. Так, «несколько документов из находящегося у меня собрания бумаг Лохвицкого» опубликовал в конце позапрошлого века Н.Н. Оглоблин, обнаруживший документы в архиве своего отца, протоиерея Софийского собора Н.Я. Оглоблина [36, с.239-245; 37]. Несмотря на замечание публикатора, что «собрание – довольно интересное», исследователи обращались к не попавшим в публикации материалам мало и главным образом за цитатами-«иллюстрациями».

сумбурных, выхватывающих отдельные эпизоды личной жизни, пере-
сказы снов. Если не считать упоминания Десятинной церкви, больше
об археологии нет ни слова. И так до 29 марта 1832 г.

Но 30 марта появляется новое заглавие «Журнал Кориспондента
Московского общества истории и древностей»¹⁶ Чиновника 5-го класса и
кавалера 4-й степени Св. Владимира Кодрата Лохвицкого. О раскрытии
древностей. Киевских» [4а]. С этого дня дневник не узнать – это регуляр-
ные, довольно детальные записи о встречах, разговорах, распоряжениях,
работах, расходах, переписке – обо всем и всех, встречающихся на пути к
«раскрытию древностей». 17 апреля в письме Н.А. Полевому Лохвицкий
сообщил о «новом моем предприятии раскрыть и отыскать древность,
которая в земле более тысячи лет скрыта», и добавил: «Веду Журнал по
сему предмету и с завтрашнего дня начинаю разрывать землю того места
где Св. А[постол] А[ндрей] П[ервозванный] водрузил Крест» [4а, л.6].
Итак, по замыслу автора, дневник-журнал обретал функцию публич-
ности. Но долго удерживать официальный тон Лохвицкий, с его холер-
ическим складом характера и потребностью «выплескивать» личные
впечатления, не мог. И собственно дневниковый текст, и скопированные
в него многочисленные письма силой авторских эмоций превращались
в интересный микст глубоко интимного, случайно проговоренного, на-
меренно акцентированного – с подчеркнута официальным, но тоже не
лишенным личностных черт. И только к окончанию рассматриваемого
фрагмента дневника¹⁷, примерно с осени 1833 г. более заметна эволюция
дневника от эго-документа к официальному «журналу», причем функ-
цию вымещения дневниковой «начинки» выполнили скопированные в
«журнал» письма, заполнившие последние страницы и почти вытесни-
вшие собственноручные записи Лохвицкого.

Недоразумение, происшедшее, очевидно, при формировании
конволюта с дневником, превратилось для исследователя этого заме-
чательного документа в счастливый случай, позволивший установить

---

¹⁶ В число корреспондентов Московского общества истории и древ-
ностей российских (учреждено в 1804 г. при Московском университете)
входили российские и иностранные ученые, любители старины, которые
сообщали Обществу информацию, представлявшую для него интерес. Со-
гласно формулярному списку Лохвицкого 28 апреля 1833 г. он был избран
соревнователем Общества. Данных о причислении его к действительным
членам (более высокое звание) не имеется.

¹⁷ Более поздние его части не обнаружены.

важную деталь. На вложенном листе [4а, л.35-35 об.] обнаружены записи, дублирующие уже записанные дни (2-15 июля 1832 г.). Сравнение повторяющихся фрагментов показало, что дневник целиком или частично переписывался. Пока нет возможности утверждать, идет ли речь о черновике и беловом варианте, или о «редактировании» отдельных текстов для разных адресатов (о характере расхождений в записях-дублерах см. дальше).

Отмеченные особенности дневника, повышенная субъективность автора – не уменьшают, а напротив повышают информационную отдачу этого источника, поскольку проявляют заинтересованность автора в определенной трактовке событий, высвечивая его интенции, оттеняя риторические конструкции. Дневник одного из главных действующих лиц, сопоставленный с другими источниками и вместе с ними, приближает к ответу на вопросы: как видели свои взаимоотношения сами участники больших археологических событий 1830-х гг.¹⁸, как они распределяли роли, чем руководствовались?

Вопреки историографическим представлениям, что поиски Лохвицкого Креста Апостола Андрея Первозванного были малозначимыми, случайными, в действительности именно этот проект стал центральным и дал толчок последующим событиям. Говорить об инициативе митрополита Евгения тут нет никаких оснований. Вдохновителем Кондрата Андреевича был командующий 1-й Армией Ф.В. Остен-Сакен¹⁹. Именно «по совету генерал-фельдмаршала графа Фабиана Вильмовича фон-дер Остен-Сакена» в конце марта 1832 г. Лохвицкий обратился к недавно назначенному генерал-губернатору В.В. Левашову за разрешением на раскопки. Записью об этом событии открывался новоначатый дневник – «Журнал Кориспондента...».

Влиятельный командующий, который пользовался особым личным расположением Николая I, опекал Лохвицкого с 1825 г., когда

---

¹⁸ О более раннем открытии Десятинной церкви (1824-1826 гг.) см.: [16].

¹⁹ Фабиан Вильгельмович Остен-Сакен (1752–1837), несмотря на преклонный возраст, оставался человеком очень известным и влиятельным. Выходец из курляндских дворян, начав службу в век Екатерины четырнадцатилетним подпрапорщиком мушкетерского полка, он всю жизнь был в действующей армии, стал одним из главных лиц в кампанию 1812–1814 гг., с марта 1814 г. – генерал-губернатор французской столицы. Фельдмаршальский жезл был вручен ему в день коронации Николая I.

во время визита в Киев посетил с митрополитом Евгением раскопки Десятинной церкви [4а, л.31]. Интересно, что при втором посещении в сентябре 1827 г. именно Сакен (а не митрополит) поручил археологу подготовить издание с полным описанием, рисунками, планами церкви [7, л.23]. Любопытно также, что в промежутке между встречами Лохвицкий передавал «несколько вещей из освященных древностей» в Могилев, где располагалась штаб-квартира Армии [7, л.22]. Личное знакомство со знаменитым военачальником продолжилось в начале 1830 г., когда в Киев из Могилева перевели Главную квартиру 1-й Армии [8].

Хотя служебная карьера статского советника Лохвицкого была связана главным образом с гражданскими ведомствами, среди военных он чувствовал себя гораздо комфортнее, близко общался с армейской элитой своего времени. 19 июля того же 1830-го года Лохвицкий в компании генерал-фельдмаршалов графа П.Х. Витгенштейна и графа И.И. Дибича «устроили самоплав через Днепр», назвав его «Клястич» в память о сражении под Клястицами, выигранном в этот день в 1812 г. Витгенштейном и спасшем Петербург от французов. Особое внимание к «защитнику Петрова града» объяснялось не только почтением к его военным талантам. Тремя неделями раньше Витгенштейн прислал Лохвицкому замечательный подарок. «Уважая священные древности и любовь Вашу к оным в раскрытии Десятинной церкви в Киеве, – писал герой археологу, – вручаю Вам на память саблю <...> с надписью “За храбрость”. Она послужила мне в 1812 году»²⁰.

Описав июльское событие в письме знакомому, Лохвицкий сообщил еще две новости. Во-первых, «сегодня [7 сентября 1830 г.– Т.А.] граф Сакен генерал-фельд[маршал] меня пригласил с собою ехать к обедне в Трехсвятительскую церковь и смотрел вещи, при раскрытии ее открытые, которые хранятся в теплой церкви при этой же церкви». А во-вторых, в «Московском телеграфе» была напечатана статья, критиковавшая ошибки составленного Лохвицким плана Десятинной церкви и отдававшая предпочтение плану, составленному петербургским архитектором Н.Е. Ефимовым. Назвав критику «бранью К.М.Е. [Киевского митрополита Евгения.– Т.А.], Лохвицкий «в защиту своего плана» вручил записку Дибичу. Здесь несколько примечательных моментов: 1) порядок сообщения новостей нарушает их хронологию, по-видимому, он связан с иерархией событий для Лохвицкого; 2) упоминание «брани»

---

²⁰ Письмо от 29 июня 1830 г. [6, л.62]. (Копия.)

митрополита напоминает о медленно тлевшем конфликте, который возник после первых раскопок Десятинной церкви (1824 г.), когда для их продолжения по ходатайству Евгения из столицы был прислан Ефимов, что вызвало недовольство и сопротивление Лохвицкого [см. *подробнее*: 16]; 3) упомянуты неизвестные раскопки Трехсвятительской церкви 1830 г., и ни Сакен, ни Лохвицкий, отправляясь смотреть находки, не пригласили митрополита Евгения.

Начавшееся в ноябре 1830 г. польское восстание отвлекло полководцев от киевских древностей. Как мы помним, Кондрат Андреевич тоже в течение года об археологии не упоминал. Но в конце 1831 г. он записывает в дневник сочиненный ко дню рождения Сакена браваурный стишок:

... Громов бунта мрак развеял
Всяк Твоей Победе рад
В нас Любовь к себе посеял
Успокоил Киев Град...

А три месяца спустя со стремительностью кавалерийской атаки начинается череда археологических раскопок. Причем, первым и главным пунктом был участок между Трехсвятительской и Андреевской церквями. Правда, этому предшествовал отказ генерал-губернатора В.В. Левашова разрешить продолжение раскопок Десятинной церкви. Левашов, менее двух месяцев состоявший в этой должности, принимал решение «по собранным сведениям», и несомненно, в первую очередь основывался на мнении митрополита. Лохвицкий не мог этого не знать. Но в отличие от 1826 г., когда после визита петербургского архитектора Кондрат Андреевич практически прекратил свою археологическую деятельность, теперь у него был покровитель, для которого не существовало преград, – тот, кому он вскоре напишет: «<...> повергаюся в милостивое покровительство Вашего сиятельства<...> Вы удостоили *начать оживлять древности* <...>». Казалось бы, этим словам место рядом с именем митрополита, известного знатока древностей²¹, автора многих трудов²². Но Лохвицкий обратил их не

²¹ Граф М.Д. Бутурлин, вспоминая свой приезд в Киев в 1836 г., писал: «Митрополитом давно уже был маститый Евгений Болховитинов, известный археолог» [23, с.419]. Таких высказываний современников можно встретить немало.

²² Планируя 8-томное издание трудов Евгения, 3 тома предполагали выделить под киевские и южно-русские древности [42].

к митрополиту Евгению, а к генерал-фельдмаршалу Остен-Сакену. И 19 апреля 1832 г., отслужив «молебствие в Трехсвятительской теплой церкви Кресту Господню о благонамерении за здравие графа Фабияна и Кодрата принялись рыть в продолжение предыдущей работы на огороде Трехсвятительском»²³.

Между генерал-фельдмаршалом и статским советником установилось полное взаимопонимание. Сакен и здесь оставался командующим, выстраивая стратегию и отдавая приказы. Лохвицкий, всегда болезненно остро воспринимавший замечания со стороны, в данном случае принял «военный тип поведения» [48, с.267] и свойственные ему безответную исполнительность и дисциплину, «почитая себя *непосредственно в команде Вашей*, великий мой Благодетель», – так писал он в «Записке о раскрытии древностей в Киеве ч[иновника] 5 к[ласса] Лохвицкого», составленной в июле 1832 г. по заданию Сакена [4а, л.33].

Нужно заметить, что это – несомненно искреннее – заверение следовало за подробным отчетом о находках, призванном обосновать трату немалых денежных сумм, в том числе – поступавших лично от командующего. Дело в том, что с самого начала этих раскопок Сакен выдвинул идею собрать для их проведения деньги у частных лиц «по подписке». Его авторитет и влияние (как всем было известно, превосходившая в Киеве даже генерал-губернатора) обещали успех. Сделав первый взнос за себя и за дочь Екатерину, Сакен старался повлиять на офицеров и крупных чиновников, но по всему было видно, что киевские кошельки для этого почина были закрыты. Прежде, чем получить взнос 25 руб. с киевского дворянского предводителя Н.И. Бутовича, Лохвицкий одолжил ему 2 тысячи²⁴. Киевский войт Г.И. Киселевский на предложение принять участие в пожертвовании «формально и от себя и от всего города Киева отказал. Сказал при том: что с того пользы? Может в раскрытой яме с пшеницей чума есть? Как бы нам что дали, а от сего может быть нареkanie».

Сбор средств по подписке не дал ожидаемого результата. Но зачастую, жалуясь, что «по обстоятельствам [финансовым.– Т.А.] невозможно достигнуть с желаемым успехом» открытия древностей, сетуя

---

²³ Фраза подтверждает предположение о более ранних раскопках 1830-го года.

²⁴ Эта немалая сумма составляла годовой оклад крупных чиновников. По штатам 1800 г. губернатор получал 3000 рублей в год (1800 – жалованье и 1200 – столовые).

Татьяна АНАНЬЕВА. Производство знаний о киевских древностях ...

на недостаток средств, Кондрат Андреевич лукавил, а подсчитывая собственные расходы, и вовсе занимался подлогом. Уверяя министра финансов Е.Ф. Канкрину, что по подписке «собрано мною до 500 ру.», на самом деле собрал более 700²⁵; о двойной бухгалтерии свидетельствует упоминавшийся «черновой» лист дневника :

Беловая рукопись дневника	Лист из «черновика»
<p>2-е [июля 1832 года.] Субота. Сиятельнейший граф [далее текст Записки] <...> На прошедшей [неделе]²⁶ издержано на работы и прочее по раскрытию древностей двадцать пять рублей.</p>	<p>2-е [июля 1832 года] Субота Работа продолжалась у Золотых ворот. На сей недели издержано на рабочих и на бумагу двадцать пять рублей.</p>
<p>3-е [июля 1832 года] Воскресенье Работы не было.</p>	<p>3-е [июля 1832 года] Воскресенье Работы не было.</p>
<p>4-е [июля 1832 года] Понедельник Работы не было. Сегодня приготовлено письмо к графу Ф.В. Сакену генерал-фельдмаршалу великому моему Благодетелю.</p>	<p>4-е [июля 1832 года] Понедельник Работы не было. Сего числа письмо подал я г[рафу] Ф.В. Сакену генерал-фельдмаршалу, ...</p>
<p>5-е [июля 1832 года] Вторник Подал я оное письмо в собственные руки и обедал у графа – Сакена. <u>Работа продолжалась</u>²⁷ на Воздвиженском месте <...></p>	<p>5-е [июля 1832 года] Вторник <u>Работы не было</u>, а я обедал у графа Ф.В. Сакена. И он обещал по письму моему возможную помощь делать.</p>

²⁵ Письмо Канкрину от 5 июня 1832 г. – НБУВ ИР. Ф. II, ед. 22949, л. 23.; собранные по подписке суммы см.: НБУВ ИР. Ф. II, ед. 22951, л. 3-3 об.

²⁶ Даем вариант пропущенного по смыслу слова.

²⁷ Подчеркиваниями мы отметили расхождения в записях.

<p>6-е июля 1832 года <u>Работа продолжается у Золотых ворот</u> <...></p> <p>7-е июля 1832 года Четверк <u>Работа продолжалась</u> у Ильинской церкви <...></p> <p>8 июля 1832 года Пятница <u>Работа продолжается</u> на Крестовоздвиженском месте <...></p> <p>9-е [июля 1832 года] Субота <u>Работа продолжалась</u> у Золотых ворот <...></p> <p>На сей недели <u>издержано двадцать пять рублей.</u></p>	<p>6-е, 7-е. 8-е. 9. [июля 1832 года] <u>Работы не было</u>, а посеми ничего и не издержано на раскрытие.</p>
--	--

Добавляя в чистовой текст дневника рабочие дни, которые первоначально были записаны как дни простоя, Лохвицкий корректировал финансовую отчетность. Сам по себе этот факт, без рассмотрения его в более широком историко-биографическом контексте, по нашему мнению, не несет оценочной нагрузки. Он приведен здесь, поскольку характеризует значимость финансового вопроса в деятельности Лохвицкого.

Ориентированность на предстоящий административно-финансовый отчет проскальзывала и в стремлении заручиться официальными свидетелями там, где сами по себе исторические занятия их не требовали. Найдя на Крестовоздвиженском месте камень, «точно такой из [ка] ковых камней построены фундаментальные стены старой Десятинной церкви», Лохвицкий отметил, что «при сем отрытии был свидетелем г[осподи]н полицейский чиновник», а позже дописал: «Частный прист[ав] 4-й ча[сти] города К[иева] капитан Попович Тимофей Васильевич» [4а, л.2 об.].

Заручиться свидетельствами и аргументами, которые в риторической практике известны как «ссылка на авторитет», было постоянной заботой Лохвицкого. Но он мечтал об авторитете всеобъемлющем, «работающем» в любых обстоятельствах и аудиториях. Таковым было только распоряжение царя. На протяжении всего археологического бума 1830-х гг. археолог стремился получить монаршее одобрение,

любой знак, адресованный лично ему. Но предвидя, что для этого потребуется время и немалые усилия, он с самого начала запаса ссылкой на высочайшее распоряжение министру внутренних дел о сборе сведений о сохранившихся древних зданиях, запрещении их разрушать с предписанием «по мере открытия сих древностей» описывать их. Копию этого документа Лохвицкий, озаглавил: «Система о исследовании и открытии Древностей 1824-го года июля 20-го дня» [4, л.4-5 об.] и подчеркнул несколько фраз: «<...> Сведения таковы вероятно могут быть получены и от частных лиц, а особливо от владельцев тех мест, где древние здания или остатки находятся, почему весьма полезно было бы в таких случаях, войти в сношение с сими лицами и приличным образом просить их о содействии в сих полезных открытиях <...>». Эти фразы он трактовал как высочайшую адресацию к себе. Выписав цитату в дневник вслед за упомянутым «свидетелем» капитаном Поповичем [4а, л.3], Лохвицкий в последующем неоднократно ссылался на документ как на санкционировавший его деятельность.

Наиболее полный «набор» авторитетных ссылок, призванных легитимировать его деятельность, был приведен в его письме в Московское общество истории и древностей (от 18 мая 1832 г.):

«<...> руководствуясь Высочайшим повелением от 20 июля 1824 года объявленным министру внутренних дел о изыскании и исследовании древностей, будучи поощряем покровительством любителя древностей господина генерал-фельдмаршала графа Фабияна Вильгельмовича Фон-дер-Остен-Сакена и благословением Высокопреосвященного Митрополита Киевского и Галицкого Евгения, просил я киевское начальство позволения раскрывать из под земли древности в Киевской губернии и господин генерал-адъютант, Киевский военный губернатор генерал-губернатор Вольнский и Подольский Василий Васильевич Левашов письменно позволил мне оное учинить» [4а, л.15].

Такой административный ресурс, явно избыточный для Общества истории и древностей, служил наиболее привычным для Лохвицкого обоснованием деятельности и претензий на ее законность, с другой стороны он свидетельствует о неспособности обеспечить интеллектуальную легитимность. Этот подход исходил из усвоенной Лохвицким служебной практики, где высочайше одобренное начальственное мнение обладало безусловным приоритетным правом на истину.

Как видим, митрополит Евгений занимает среди инстанций легитимации почетное место, но не второе после царя, а третье – после Остен-Сакена. В начале археологической эпопеи митрополит упоминался в дневнике археолога как «знаменитый историограф», есть ссылки на его книгу «Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии» и отзывы (правда, очень вольно пересказанные) о находках. Но давняя обида за Десятинную церковь напомнила о себе 4 июня 1832 г., когда во время посещения раскопа на Крестовоздвиженском месте, «при засвидетельствовании начальства местного города Киева, митрополит Евгений противоречил, что это может быть был чей нибудь дом», а не остатки христианской святыни. Уже на следующий день в письме министру финансов графу Е.Ф. Канкрину Лохвицкий сообщал: «Сколько ни ясны доказательства раскрытой истинны древнейшей что на сем месте была церковь, <...> но есть люди, которые сомневаются, а потому и препятствуют ко достижению полезного предмета для России». На первый случай указание, кто эти «люди», осталось только в черновике в зачеркнутой фразе: «Встречают меня препятствия <...> М[итрополит] К[иевский] Евгений <...> требует дальнейших доказательств». Но через несколько дней Б.Я. Княжнину было открыто объявлено, что именно Архипастырь дело «задерживает и сомневается в том святом месте». Вряд ли эти пробы доноса преследовали цель опорочить митрополита (хотя безусловно повлияли на формирование его репутации), задача состояла в другом – показать государственную важность дела, затеянного чиновником 5-го класса Лохвицким, и в то же время дистанцироваться от того, кто «требует дальнейших доказательств». Памятуя об «уроке» с Десятинной церковью, с самого начала раскопок 1830-х гг. Лохвицкий заявил: «генерал фелдмаршал граф Сакен один только меня и поддерживает, а зависть подымает страшное против меня ополчение»²⁸. Огульная поддержка Сакена действительно контрастировала с взыскательностью митрополита. Разница хорошо видна на примерах атрибуции находок.

Представляя найденные вещи, Лохвицкий утверждал: «Все сие есть принадлежность церковная доказывающая истину святого места водружения Креста». Раскопали «железные подковы женские и мужские простолоудинов» – вывод: «видно богомольцы потеряли из под сапогов», деревянные щепы – от Креста Апостола, обгоревшее дерево – иконы,

---

²⁸ Письмо, адресованное Н.А. Полевому, было предназначено для Московского Общества истории и древностей.

Татьяна АНАНЬЕВА. Производство знаний о киевских древностях ...

металлические фрагменты – оклады икон и т.д. Одна находка получила совместную интерпретацию археолога и генерал-фельдмаршала, и тут комментарии излишни:

«Рогожку сняли, под рогожкой открылся кнут что волов погоняют, /: пуга :/ а на кнуте лежал веревки верхний конец, а другой конец опущен был сквозь пшеницу вниз. По вынутии же всей пшеницы оказалось что веревки нижний конец привязан был за бревно ведущее в сторону к востоку в глубину наискось<...> Обедать я ездил к фельдмаршалу Ф.В. ф[он] д[ер] О[стен] С[акену] с найденным кнутом в Воздвиженском месте. Граф взяв в руки сказал: Сегодня празднует церковь российская в Киеве С[вятому] князю Владимиру, то это его кнут отрылся. И что оставил на память: как всех тогда не переучил, то чтоб теперь доучить киевлян. – И приказал мне его беречь. На вопрос мой: можно ли мне перевезти к себе на двор сию вонючую пшеницу? Граф отвечал: можно! В[опрос]: можно ли и то перевезти что откроется под пшеницею? От[вет]: можно и должно. Да! И никому не давать. – Пшеницу всю перевез я к себе в дом и просушивается» [4а, л.10-10 об.].

Превращение «линейки», используемой при засыпке зерна, в кнут Св. Владимира, произошедшее с единодушного согласия обоих любителей древностей, не было уникальным явлением для начала XIX в.²⁹ Попытки статского советника Лохвицкого и генерал-фельдмаршала Сакена комментировать утилитарную вещьность находок анекдотичны, но их способ семантизации (наделения символическим значением) находок заслуживает внимания (и отдельной статьи).

---

²⁹ Президент Академии художеств А.Н. Оленин рассказывал, что будучи много наслышан о «великом антикварианте» Селакадзе, наконец побывал у него и обнаружил «обломок камня, на котором, по его уверению, отдыхал Дмитрий Донской после Куликовской битвы; престранную кипу старых бумаг из какого-нибудь уничтоженного богемского архива, называемых им новгородскими рунами; но главное сокровище Селакадзе состояло в толстой, уродливой палке, вроде дубинки, употребляемых кавказскими пастухами для защиты от волков; эту палку выдавал он за костыль Ивана Грозного, а когда я сказал ему, что на все его вещи нужны исторические доказательства, он с негодованием возразил мне: «Помилуйте, я честный человек и не стану вас обманывать» [40а, с.126].

Фактично в качестве (и вместо) доводов разным аудиториям и разным особам предлагались топосы («общие места») – важнейшие элементы риторической аргументации, те мысли и идеи, которые положительно воспринимались данной аудиторией, соответствовали ее ценностным ориентирам, интересам, взглядам. Надо отдать должное Лохвицкому, который зачастую точно определял ценностные предпочтения и предлагал своему адресату соответствующие его (адресата) интересам топосы, успешно влияя на дальнейшие действия, выбор и решения. Риторические манипуляции Лохвицкого были в духе его широкой натуры, которой были одинаково свойственны религиозность, мистическая возвышенность, материальная практичность, расчетливость, усердие, служебное рвение, праздность и другие полярные, но неплохо уживавшиеся в нем черты и свойства.

Тем не менее, не всегда риторические приемы Лохвицкого приносили успех. Камнем преткновения были взаимоотношения археолога с митрополитом Киевским, которого, напомним, большинство авторов видят неизменным куратором археологических проектов и киевского исторического кружка. Евгений попытку перевести внимание археолога с «Крестовоздвиженского места» на поиски Золотых ворот, и новые раскопки действительно начались в мае 1832 г. Но энергии Лохвицкого хватало на несколько раскопов. Почти одновременно с Воробьями он начал копать у Иорданского ручья, через год – церковь св. Ирины, однако гвоздем археологической программы оставалось «Крестовоздвиженское место».

В конце лета 1832 г. конфликт археолога с митрополитом достиг апогея. Дело дошло до словесных перепалок. Евгений, не выдержав фантазий Лохвицкого, сказал: «<...>Ты вриош. Я отвечал ему напрасно обижаешь впрочем не только страдать и умереть готов за Крест Святого Истинного», – записано в дневнике. Через несколько дней, после службы в Лавре митрополит «опять сказал: для славы своей прославиться хочешь. Я в ответ: первенство вот за кем, указывая на фельдмаршала графа Сакена. А о славе сего Креста я уже писал Вашему Высокопреосвященству» [4а, л.39 об.]. «Я был у м[итрополита] Евгения», – отметил Лохвицкий 23 августа. – «Он меня холодно принял».

Интересно, что конфликт несколько не повлиял на позицию Остен-Сакена. Уже после сцены в Лавре археолог «был у г[енерал] ф[ельдмаршала] г[рафа] Сакена и он спросил нашел ли я золото?». И почти год спустя на обеде у Сакена археолог вновь услышал «в разсуждении моих раскрытий»: «<...> ты *мне* [курсив наш.– Т.А.] Золотые

вороты кругом отрой и сищи золото, золото». Археологическая задача, поставленная командующим, соответствовала общим ожиданиям от археологии тех находок, которые достойны занять место в коллекциях и музеях [46, с.371]³⁰. Тут нужно напомнить о событии, происшедшем далеко от Киева, но близком по времени к киевскому археологическому буму и, не исключено, косвенно оказавшем вдохновляющее действие на наших главных героев. Осенью 1830 г. близ Керчи был раскопан богатейший курган Куль-Оба, в котором обнаружили великолепные золотые изделия, по слухам, весом более трех пудов (ок. 50 кг.). То, что удалось уберечь от грабителей, доставили в Эрмитаж, где находки осматривал император; на участников открытия посыпались царские благодарности. Историки археологии отмечают, что после открытия Куль-Обы Петербург уже не скупился на финансовую поддержку раскопок [53, с.32; 47, с.167, 327]. Молва быстро разнесла новое название кургана – Золотой. Можно представить, какие радужные перспективы сулило людям с богатым воображением название киевских Золотых ворот.

Заметим, что до открытия музея Киевского университета, основателем которого Кондрат Андреевич видел себя³¹, он не передавал находки в музеи, а делал личные подношения высокопоставленным особам³².

---

³⁰ Кстати, в бумагах Лохвицкого, среди многочисленных отчетов о раскопках 1832–1833 гг. (в той части древнего Киева, которая, как показали последующие раскопки, была настоящим археологическим Клондайком) нет упоминаний о находках предметов из золота. Только уже в 1838 г., докладывая о начале раскопок Федоровского монастыря, Лохвицкий упомянет о находке «панагии архиерейской золотой с образом Спасителя, четырех перстней золотых с драгоценными камнями и шифром, крестика золотого, трех гривен серебряных древних, крестов медных» [6, л.33-33 об.]. Вопрос о причинах смены репертуара находок остается открытым, но предварительно можно отметить, что с 1835 г. археологическую деятельность в Киеве контролировал Временный комитет для изыскания древностей.

³¹ «Я основал музей древностей», – писал он царю [6, л.31 об.] (черновой автограф без даты, по упоминанию визита цесаревича – после 1837 г.).

³² «Милостивый государь мой Кондрат Андреевич! – писал Лохвицкому 9 декабря 1832 г. из Полтавы Н.Г. Репнин. – Присланные вами чрез адъютанта моего Баратынского: три записки о раскрытиях в Киеве древностей, две татарские стрелы принадлежавшие по мнению вашему времени Батгя, два кирпича с Златых врат и камень красной яшмы, – я имел удовольствие получить, и из числа оных вещей по назначению его сия-

Причем, вопреки запрету Сакена, археолог рассылал даже «вонючую пшеницу» со «святого места водружения Креста»³³. Находки-дарения должны были способствовать подтверждению социальных ролей и конструированию репутации, но по всему видно, что роль и репутация знатока древностей, ученого человека в социальном сценарии статского советника Лохвицкого была обозначена легким пунктиром и служила средством для вхождения в главную роль – чиновника долгожданного, следующего, 4-го класса. В этом был смысл совершаемого им символического обмена, где важны были не сами предметы (зачастую нелепые), а акт дарения, создающий и подтверждающий социальные связи. Принятие его даров Лохвицкий маркировал как сигнал о лояльности, за которой должны последовать символические выгоды – и он смело присваивает соответствующие им роли: в письме царю он вдруг просит не лишать его «звания антиквария Вашего императорского величества»³⁴; в другом письме, сообщая «о пожертвовании моем древностей, минералов и редкостей Университету Св. Владимира», утверждает, что из своих вещей «основал я музей древностей при этом университете и комитет изыскания и сохранения древностей в Киеве» [6, л.33 об.].

Более того, когда стало ясно, что находки-дары не справились со своей функцией, археолог потребовал возврата своей специфической «инвестиции»: «Высочайшей резолюции при сем никакой не последовало и я по сие время не награжден за раскрытие, – писал Лохвицкий новому генерал-губернатору Д.Г. Бибикову, – и не возвращены мне мои записки, планы и прочие вещи, которые мне стоят значительных издержек, которые находятся в Канцелярии у чиновника особых поручений Киселева. Эти все мои документы с вещами всепокорнейше прошу приказать мне возвратить»³⁵.

тельства князя Фабиана Вильгельмовича, я отправил одну стрелу к князю Петру Михайловичу. Приношу вам чувствительнейшую благодарность за доставление мне сих редкостей, я покорнейше прошу вас милостивый государь мой, не лишать меня удовольствия пользоваться и впредь приятными сведениями, собираемыми вами при исследовании киевских древностей» [6, л.41-42].

³³ Среди «ценных» находок, о которых он сообщал в Петербург и Москву, были «корка, отделяющая пшеницу от глины», «шелуха пшеницы наверху и около боков ее» и т.д. [4а, л.20-21].

³⁴ В упоминавшемся письме, написанном после 1837 г. [6, л.30-31 об.].

³⁵ Докладная записка от 11 февраля 1838 г. [6, л.42].

При всем скептическом отношении истории к сослагательному наклонению, рискнем предположить, что если бы реализация социального сценария проходила успешно, открытых памятников было бы меньше. По дневнику можно проследить, как обещание «м[инистра] в[нутренних] д[ел] г[осподина] Блудова исходатайствовать мне столовые деньги» и опрометчивая фраза Левашова, что «он не оставит *воспользоваться первым случаем дальнейших успехов моих по открытию древностей*, который дал бы ему более права к исходатайствованию для меня Высочайшей милости», сначала привели к тому, что в Золотых воротах было «по предписанию №3435-м <...> с правой стороны окошко открыто», а двумя днями позже стимулировали начало раскопок Ирининской церкви.

Но вновь помехой на пути к вознаграждению стал никто иной как митрополит, ответивший на запрос генерал-губернатора, что в источниках не обозначено место церкви Св. Ирины. Столовые деньги в который раз перекечевали из области вероятного в область несбыточного: вердикт губернатора раскопки разрешил, но только на собственные средства археолога.

Так почему же митрополит так категорично отвергал «проекты» Лохвицкого (в отличие от многих любителей древностей, говоривших, что одобряют их)? По этому поводу, как и во многих случаях, «не высказавшись на словах, он [митрополит.— Т.А.] высказался на деле» [42, с.41-42]. В 1830-х гг. по программам Евгения, с помощью собранных им материалов, студенты Киевской Духовной академии изучали памятники церковной археологии, в частности были написаны исследования об Ирининской и Ильинской церквях [38; 26]. Для награждения тех, «кто лучше определит или объяснит какую-либо древность» в распоряжении Академии были 3 тыс. рублей, завещанные графом Н.П. Румянцевым. В 1834 г. митрополит удвоил эту сумму из личных средств, указав, что «задачи же на таковые сочинения предполагаю я преимущественно из предметов российской церковной и государственной истории» [9]. Изданные сочинения студентов Киевской академии рассылались по епархиям, духовным училищам, университетам и в Академию Наук [10]. Источниковедческий анализ в этих работах, как и в трудах самого митрополита, имел комплексный характер, основывался в первую очередь на письменных источниках и – главное – не сопровождал уже раскопанные находки, а предвзял вывод об их возможной локализации. Митрополит как церковный историк и как наставник студентов Академии прививал навыки, методы источниковедческого анализа, считая, что без него невозможно понимание сакрального пространства города.

Данным археологии Евгений придавал большое значение, и в 1823 г. лично организовал раскопки Десятинной церкви, чтобы решить вопрос о ее размерах, на который не давали ответа письменные источники. Но хаотичные непродуманные археологические идеи Лохвицкого, все обоснование которых сводилось к нескольким цитатам (зачастую изрядно искаженным) из имевшихся под рукой источников, не могли не настораживать. Они были неприемлемы для отличавшегося особой ученой добросовестностью митрополита.

Что касается деятельности М.Ф. Берлинского и А.С. Анненкова, то при всех различиях этих людей, при всей несопоставимости их роли в приращении знаний о киевских древностях, нужно признать, что к рассматриваемым археологическим событиям они имели одинаково мало отношения. Как видно, в свое время это понимали все: когда в 1835 г. новосозданный Временный комитет для изыскания древностей собрался на свое первое заседание, его первая резолюция была обращена не к Берлинскому и не к Анненкову, а именно к Лохвицкому: «<...> Для предварительного определения круга действий Комитета <...> привести в известность сделанные до сего открытия по части древностей города Киева, и для того истребовать от г[осподина] чиновника 5 класса Лохвицкого, *который доселе в особенности изысканием сих древностей занимался*, известие об оных открытиях».

Думаем, что киевский археологический кружок 1830-х гг. может занять свое место среди историографических казусов. Если до сих пор документы умалчивали о нем, то отныне свидетельствуют против его существования.

«Жатва многа, а делателей мало» – эта Евангельская фраза именно применительно к «отысканию древностей» в Киеве встречается в письмах митрополита Евгения. Но и фраза М.А. Максимовича, вспоминавшего те годы как «золотую пору» киевских древностей, – не дань искусству красноречия. По-видимому, нужна была именно встреча разных форм знания (и в том числе – вненаучных, обыденно-практических), разных способов и методов их получения, разных ценностно-смысловых ориентиров, «интеллектуалов» и «простецов». Должны были спорить и договариваться, лукавить и жертвовать, жаждать славы и столовых денег, думать о сиюминутном и вечном – эти совершенно разные и навсегда соединенные историей люди, сеявшие зерна науки, порой не догадываясь об этом и не боясь того, что и на этой ниве,

«... как на меже

прежде доброго злака маячит плевел» [24].

Источники и литература

1. Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского. Институт рукописи (*далее* – НБУВ ИР). Ф. II, ед.22949.
2. НБУВ ИР. Ф.175, ед.1047.
3. НБУВ ИР. Ф.I, ед.62665.
4. НБУВ ИР. Ф.II, ед.22948.
- 4а. НБУВ ИР. Ф.II, ед.22949.
5. НБУВ ИР. Ф.II, ед.22951.
6. НБУВ ИР. Ф.II, ед.22952.
7. Центральный государственный исторический архив Украины (г. Киев) (*далее* – ЦГИАУК). Ф.222, оп.1, д.274.
8. ЦГИАУК. Ф.533, оп.3, ед.470.
9. ЦГИАУК. Ф.711, оп.3, д.110.
10. ЦГИАУК. Ф.711, оп.3, д.76.
11. *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. – М., 2001.
12. *Акинъшин А.Н.* Воронежский круг общения Е.А. Болховитинова // Из истории Воронежского края. К двухсотлетию воронежского краеведения. Сб. статей. – Вып.8. – Воронеж, 2000. – С.44-56
13. Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. – 1994. – N 4. – С.3-22.
14. *Ананьева Т.* «Экспедиции» Кондрата Лохвицкого (из киевской переписки археолога 1830-х годов) // Дніпропетровський історико-археологічний збірник. – Вип.3. – Дніпропетровськ, 2009. – С.248-280.
15. *Ананьева Т.Б.* «Прегордый Фазтон» и «милостивый архипастырь»: к истории возникновения биографической легенды о митрополите Евгении Болховитинове // Україніка: архівні студії. – Вип.1. – К., 1997. – С.124-161.
16. *Ананьева Т.Б.* Десятинна церква: коло витоків археологічних досліджень (1820–1830-ті рр.) // Церква Богородиці Десятинна в Києві. – К., 1996. С.15-23.
17. *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. – М., 2003. 656 с.
18. Вишленкова Е. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX век. – Саратов, 2002.
19. Выдержки из дружеских писем Евгения (впоследствии митрополита Киевского) к воронежскому приятелю его Василию Игнатьевичу Македонцу // Русский архив. – 1870. – Т.20. – №4-5.
20. *Ге Н.Н.* Киевская первая гимназия в сороковых годах // Сборник в пользу недостаточных студентов Университета св. Владимира. – СПб., 1895. – С.52-65.
21. *Житецкий И.* Життя М.О. Максимовича // Україна. – 1927. – Кн.6 (25).
22. *Закревский Н.* Описание Киева. – М., 1868.

23. Записки графа М.Д. Бутурлина. В 2-х тт. – Т.1. – М., 2006.
24. *Бродский И.* «Итак, пригревает...» // <http://www.kulichki.com/moshkow/BRODSKIJ>
25. *Иконников В.С.* Киев в 1654–1855 гг. // Киевская старина. (далее КС) – 1904. – №12.
26. *Каневский К.* О древней киевской церкви св. Ирины, созданной великим князем Ярославом Владимировичем. – ЖМНП. – 1836. – № 12. – С.423–453.
27. *Каргер М.К.* Древний Киев. – Т.1. – М.-Л., 1958.
28. *Карпов С.* Евгений Болховитинов, как митрополит Киевский. – К., 1914. – VI, 273 с.
29. *Ковалинський В.* Загадки Кіндратія Лохвицького // Київ і кияни. Матеріали щорічної науково-практичної конференції. – Вип.6. – К., 2006. – С.64-73.
30. *Козлов В.П.* Колумбы российских древностей. – М., 1981. 167 с.
31. *Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»* Новые страницы древнерусской поэмы в XVIII в. – М., 1988. – 272 с.
32. *Козлов В.П.* Российская археография в конце XVIII – первой четверти XIX века. – М., 1999. – 416 с.
33. *Кон И.С.* Дружба. Этико-психологический очерк. – М., 1987.
34. *Лазаревский А.* Иван Романович Мартос // КС. – 1895. – №10.
35. *Марасинова Е.Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. – М., 2008.
36. *Оглоблин Н.* Из бумаг К.А. Лохвицкого // КС. – 1889. – №7.
37. *Оглоблин Н.* К истории открытия Золотых ворот (1832–1838 гг.) // ЧИОНЛ. –1891. – Кн. 5.
38. *Остромысленский Е.* Исследования о древней киевской церкви св. Ильи, упоминаемой в договоре великого князя киевского Игоря Святославича с греками 945 года, сохраненном в летописи преподобного Нестора. – К., 1830.
39. Переписка митрополита Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым... – Вып.1. – Воронеж. – 1868.
40. *Рукавіцина Є.В.* Бібліотека і архів митрополита Євгенія (Є.О. Болховітінова): Автореф. дис...канд. іст. наук. – К., 1995.
- 40а. Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. – М., 1990.
41. Словарь русского языка XVIII века. Вып.6. (Грызться-Древний). – Л., 1991.
42. *Срезневский И.И.* Воспоминание о научной деятельности Евгения, митрополита Киевского // Чтения 18-го декабря 1867 года в память митрополита Киевского Евгения. СБОРЯС. – Т.V. – Вып.1. – СПб., 1868.

Татьяна АНАНЬЕВА. Производство знаний о киевских древностях ...

43. *Страхова Я.Г.* Эпистолярное наследие митрополита Евгения (Болховитинова) как источник для изучения его исследовательской деятельности // Россия в IX–XX вв. Проблемы истории, историографии и источниковедения. Сб. статей и тезисов докладов вторых чтений, посв. памяти А.А. Зимина. Москва, 26-28 янв. 1995 г. – М., 1999. – С.572-576.

44. *Терновский Ф. К.А.* Лохвицкий и его жизнь в Киеве // Киевлянин. – 1865. – №144-146.

45. *Терновский Ф.* Материалы для истории мистицизма в России (Записки К.А. Лохвицкого) // Труды КДА. – 1863. – Т.III.

46. *Тункина И.В.* Первые исследовательские программы в классической археологии Северного Причерноморья (XVIII – середина XIX в.) // Проблемы античной истории. Сб. научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. – СПб., 2003.

47. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб., 2002.

48. *Уортман Р.С.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. – М., 2004.

49. *Федорова Л.* До історії киевознавства (кінець XVIII – перша третина XX ст.) // Видатні діячі науки і культури Києва в історико-краєзнавчому русі України. Біографічний довідник. – Ч.1. – К., 2005.

50. *Федорова Л.* Лохвицький Кіндрат Андрійович // Видатні діячі науки і культури Києва в історико-краєзнавчому русі України. Біографічний довідник. – Ч.1. – К., 2005. – С.327-329.

51. *Федорова Л.* Перший музей Києва // КС. – 1992. – № 3.

52. *Формозов А.А.* К истории археологических раскопок в Киеве в начале XIX века // Советская археология. – 1981. №1. – С.312-313;

53. *Формозов А.А.* Пушкин и древности. Наблюдения археолога. – М., 1979.

54. *Хектен Э.* Наука в местном контексте: интересы, идентичности и знание в построении российской бактериологии // Вопросы истории естествознания и техники. – 2001. – № 3. – С.37-62.

55. Хроника киевской общественной жизни по дневнику митрополита Серапиона (1804–1824) // КС. – 1884. – №7.

56. *Щербина В.* Первый киевский археолог М.Ф. Берлинский // КС. – 1896. – №12.

57. *Щербина В.* Спроби організації наукової історичної праці в Києві у першій половині XIX ст. // Україна. – 1929. – Січень-лютий. – Кн.32.

58. *Экштут С.А.* Битвы за храм Мнемозины: Очерки интеллектуальной истории. – СПб., 2003.

Татьяна Ананьева (*Київ, Україна*) **Производство знаний о киевских древностях в начале XIX в.: протагонисты и статисты (по эпистолярным и мемуарным источникам)**

Первая из серии планируемых статей, посвященных изучению социокультурных условий, в которых в начале XIX в. осуществлялся процесс производства знаний о киевских древностях, рассматривает ключевой – «кадровый» – вопрос: кто был инициатором масштабных археологических раскопок древнерусских памятников. Выявленные источники личного происхождения, существенно дополнив известную источниковую базу темы, позволяют прояснить распределение ролей между участниками археологических событий, их интенции, ценностно-смысловые ориентиры.

Ключевые слова: производство знаний, киевские древности, источники личного происхождения

Татьяна Ананьева (*Київ, Україна*) **Вироблення знань про київські стародавності на початку XIX ст.: протагоністи та статисти (за епістолярними та мемуарними джерелами)**

Перша із серії планованих статей, присвячених вивченню соціокультурних умов, у яких на початку XIX в. здійснювався процес вироблення знань про київські стародавності, розглядає ключове – «кадрове» – питання: хто був ініціатором масштабних археологічних розкопок давньоруських пам'яток. Виявлені джерела особового походження, істотно доповнивши існуючу джерельну базу теми, дозволяють прояснити розподіл ролей між учасниками археологічних подій, їхні інтенції, ціннісні та значеннєві орієнтири.

Ключові слова: вироблення знань, київські стародавності, джерела особового походження

Tatiana Ananyeva (*Kiev, Ukraine*) **The production of Knowledge about Kiev's Antiquities on the beginning of the 19th ct. (on the epistolary and memoirs sources)**

The first in the series of articles, dealing with social-cultural conditions for production of knowledge about Kiev's antiquities on the beginning of the 19th ct., looks for the midpoint – “cadre” – question: who was the initiator of the scope archaeological digs of the old-russian monuments. The historical documents' bases, enlarged by epistolary and memoirs sources, gives an opportunity to research the role functions distribution between the participants of those archaeology events, their intentions, the point of notional, material and spiritual values.

Key words: Knowledge production, Kiev's antiquities, epistolary and memoirs sources